

уязвимымъ мѣстомъ нашихъ частныхъ оперъ. На этотъ разъ корректность, чистота интонаціи и хорошій общій звукъ именно мужского хора невольно обращалъ на себя вниманіе. Это, конечно, заслуга хормейстеровъ, имена которыхъ, къ сожалѣнію, въ афишѣ не упоминаются.

Роли распределены слѣдующимъ образомъ: Вакула—г. Лебедевъ, Чубъ—г. Сперанскій, Голова—г. Трубинъ, Бѣсъ—г. Осиповъ, Солоха—г-жа Петрова-Званцева, Оксана—г-жа Друзякина, дѣжка—г. Пикокъ, Свѣтѣйшій—г. Дубинскій. Г. Лебедевъ блисталъ своимъ великолѣпнымъ голосомъ. Иногда ему, можетъ-быть, даже безъ крайней необходимости—не такая слезливая натура былъ Вакула,—удавалось въ минорныхъ эпизодахъ придать своему пѣнію нежелательными восклицаніями что-то вродѣ выразительности. Но за-то радость, удасть, то, что заставляло бояться Вакулы самого чорта, все это совершенно отсутствовало у г. Лебедева. Ноты, ноты красивые, полныя, звучныя ноты—и больше ничего. Г. Сперанскій хорошій Чубъ. То-же можно сказать и о г. Трубинѣ, Головѣ. Роль Бѣсы отлично удалась г. Осипову. Конечно, въ настоящее время г-жа Петрова-Званцева не даетъ той легкости пѣнія, какой мы были свидѣтелями, когда „Черевички“ ставились въ томъ-же театрѣ въ оперѣ Товарищества. Но все-таки она и сейчасъ „великолѣпная Солоха“, яркая, увлекательная. Роль Оксаны совершенно не отвѣчаетъ артистической индивидуальности г-жи Друзякиной, пѣвицы и артистки прекрасной, но особенно хорошо передающей роли, въ которыхъ на первый планъ выдвигается нѣжная женственность въ ея близкіяхъ съ жизнью. Задоръ—не ея сфера. Но, конечно, и въ этой роли она не уронила ансамбля—для этого она слишкомъ толковая и старательная артистка. Г. Пикокъ въ роли дѣжки смѣшилъ публику, но на насъ его старанія изобразить бурсака произвели впечатлѣніе какихъ-то потугъ, неминуемо ведущихъ къ шаржу. Г. Дубинскій, загримированный подъ Потемкина, спѣлъ свои куплеты хорошо.

Въ общемъ очень недурный, ладный спектакль.

Н. Кочетовъ.

Михайловскій изъ статьи
4 ноября 1912

«Черевички».

Опера С. И. Зимина возобновила „Черевички“ Чайковского. Въ оперномъ творчествѣ Чайковского „Черевички“ занимаютъ особое мѣсто: это его единственная комическая опера. Комизмъ не былъ его уделомъ. Его фантазія—одежда его въ сторону серьезныхъ настроеній, въ сторону минорной психической гаммы, отъ нѣжной элегии до напряженій драматическихъ, даже трагическихъ. Съ другой стороны ни въ одномъ другомъ своемъ произведеніи Чайковский не даетъ такъ сильно чувствовать вліянія русской національной школы. Но, конечно, Чайковский былъ слишкомъ сильною индивидуальностью, чтобы, попавъ въ чуждую ему атмосферу положеній комическихъ и, по необходимости, реалистическихъ, утратилъ свое „я“. И онъ остался вѣрнъ своей склонности къ широкимъ мелодіямъ, къ богатой разработкѣ музыкальнаго рисунка, своей приверженности къ „чистой“ музыкѣ. И музыка „Черевичекъ“ чрезвычайно привлекательна. Она обладаетъ даже особеннымъ свойствомъ тѣмъ больше нравиться, чѣмъ ближе съ нею знакомиться, чѣмъ болѣе съ нею сродняешься. Мастерство же Чайковского проявилось еще и въ томъ, что даже несвойственные его таланту комическіе эпизоды ему удался прекрасно.

„Черевички“ поставлены у С. И. Зимина хорошо. Нѣкоторыя декораціи А. И. Маторина красивы. Бюстмы хороши. Тоже можно сказать и о постановкѣ всей оперы А. В. Ивановскимъ. И. О. Палицынъ разучилъ оперу, какъ всегда, тщательно. Но мы не можемъ не отметить отличнаго исполненія своихъ номеровъ хорами. Обыкновенно хоры, въ особенности мужскіе, были самымъ